

КАКАЯ СУДЬБА ЖДЕТ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС РОССИИ

Интеграция России в глобальную экономику идет полным ходом, и вступление страны в ВТО усугубит среднесрочные риски развития отечественной перерабатывающей промышленности. Вряд ли пострадают отрасли с бесспорными конкурентными преимуществами на международном рынке и обширной научно-технологической базой. Однако есть все основания опасаться за судьбу множества относительно слабых отраслей. Лесопромышленный комплекс (ЛПК) – характерный представитель этой группы.

Стихийная санация предприятий отрасли в результате нового витка интеграции российской экономики в глобальные рынки, возможно, даст позитивный эффект в долгосрочной перспективе. Но если она будет происходить слишком резко, возникнет угроза масштабного социального взрыва. Ведь ЛПК обеспечивает до миллиона рабочих мест, определяет состояние экономики десятков моно-профильных городов и сотен поселков. В этой публикации автор попытается найти ответ на вопрос, насколько отечественный леспром¹ готов к новым испытаниям.

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ

В мировой экономике ЛПК – довольно заметная отрасль, она дает до 6% мирового ВВП. Будучи безусловно важной отраслью, ЛПК – далеко не лучший объект для инвестиций. Это связано в основном с природой сырья. Самую серьезную проблему представляет рассредоточенность ресурсной базы. У горно-добывающих отраслей есть огромное преимущество: можно создать один

гигантский горно-обогатительный комбинат и протянуть к нему одну железнодорожную ветку. В случае с лесом все гораздо сложнее: дорог нужно строить много, в виде разветвленной сети. Капиллярная транспортировка сырья означает использование обширного автопарка как посредника между сырьевой базой и магистральной инфраструктурой. Кроме того, лесоматериал – это сырье, масса и стоимость которого в расчете на единицу массы невелики. Масса одного кубометра невысушенного леса – 400–600 кг, и плотность только у дорогих экзотических пород до 1300 кг/м³. Стоимость древесины основных промышленных пород от 50 до нескольких сотен долларов за кубометр. Объемность осложняет транспортировку, а низкая удельная стоимость делает перевозку сырья на большие расстояния (до 250 км автотранспортом, до 1000 км по железной дороге) нерентабельной. Единственный низкократный метод транспортировки леса – водный: плотовым или молевым сплавом по рекам и затем морскими и океаническими судами. Достичь такой экономии можно в тропических странах

за счет использования речной сети для сплава леса, вырубленного по долинам рек, и за счет размещения лесных плантаций вблизи портов. В странах бореального пояса, относящихся к развитым либо странам с переходной экономикой, существуют строгие ограничения на рубки в водо-защитных зонах и сплав леса. Плантации же бесперспективны из-за низкого удельного прироста древесины (2–3 м³ на гектар в год против более чем 20 м³ на тропических плантациях эвкалипта). Получается, в странах бореального пояса инвестору нужно вложить огромные средства в дороги, затем, вырубив и реализовав лес, потратить часть прибыли на лесохозяйственные мероприятия, после чего ждать десятилетия, прежде чем можно будет рубить снова.

Непривлекательность лесного хозяйства для инвестиций требует разработки простого и прозрачного механизма передачи лесных участков в хозяйственное использование и гибкой лесной политики, в том числе готовности государства участвовать в инвестициях на принципах государственно-частного партнерства, если государство хочет вовлечь

свои леса в хозяйственное использование. Повысить привлекательность лесного хозяйства для инвестиций может также введение частной собственности на леса. Владея сырьевыми базами, компании легче идут на инвестиции в дорогую инфраструктуру, поскольку знают, что смогут использовать ее в долгосрочной перспективе. Наконец, инвестиции в лесное хозяйство возможны в тех странах, где сформировались крупные вертикально интегрированные лесные компании. Таким компаниям затраты на заготовку древесины вполне по карману, если в их составе есть генераторы большой добавленной стоимости на самых верхних этапах технологической цепочки – такие как производства дорогой полиграфической бумаги, гигиенических изделий, упаковки и лесохимии. Все достоинства ЛПК, выстроенного по вертикали, реализованы в США. Крупные целлюлозно-бумажные комбинаты (ЦБК), размещенные в портах на побережье, превращают дешевый лес, доставляемый из глубинных частей континента, в ценную продукцию и тут же отгружают ее заморские покупателем, а с приходящих в порты судов получают дешевое сырье из других стран мира, потому что своего им не хватает.

В России, к сожалению, не реализовано ни одного компенсатора высоких издержек лесозаготовок. Большинство ЦБК и крупных плитных производств, ориентированных на экспорт, размещены не в портах и даже не всегда на крупных реках. Процедура передачи лесов в аренду длительная и сложная, лесная политика непоследовательна во всем, кроме подавления малого и среднего бизнеса в отрасли, введение частной собственности на леса остается делом далекого будущего. Характерный размер вертикально интегрированных холдингов отрасли в разы меньше размера американских, канадских и финских компаний: у крупнейшей отечественной лесной компании «Илим Палп» оборот около \$1 млрд, в то время как у крупнейшей мировой компании – американской «Интернейшл Пейпа» – более \$20 млрд. В составе холдингов

нет высокоприбыльных производств, таких как полиграфические комбинаты, производства гигиенических изделий и пищевой упаковки. Это значит, что в отсутствие инвестиционных преимуществ российского лесного хозяйства глубокая интеграция России в мировую экономику будет сопровождаться его разрушением.

РОССИЙСКИЙ ЭКСПОРТ НЕОБРАБОТАННОЙ ДРЕВСИНЫ

Ориентация отечественной лесной промышленности на экспорт дешевой необработанной продукции была заложена в 1960–1980 годы. От СССР нам достался структурно несбалансированный ЛПК, характеризующийся избытком мощностей по заготовке древесины и недостатком высокотехнологичных перерабатывающих предприятий. Советский Союз заготавливал до 300 млн м³ деловой древесины и производил до 11 млн т целлюлозы в год. Современная Россия заготавливает вдвое меньше древесины и производит на треть меньше целлюлозы, чем СССР. Для сравнения: в 2000-е годы США заготавливали до 400 млн м³ деловой древесины в год, производя при этом более 50 млн т целлюлозы, и сегодня все большие объемы сырья вовлекаются в этой стране в глубокую переработку, дающую максимальную прибыль.

В силу дисбаланса заготовки-переработки СССР экспортировал огромные объемы дешевой низкокачественной древесины себе в убыток, поскольку ответственные министерства были заинтересованы в выполнении плана по заготовкам. Государство субсидировало лесозаготовки в натуральной форме: строило новые дороги, создавало новые лесопункты и узкоколейные депо в малонаселенной северной периферии, куда потом перебрасывало рабочую силу из плотно заселенной южной.

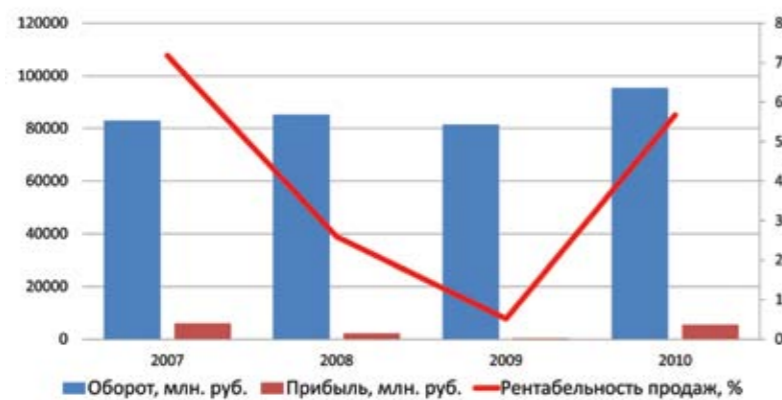
В кризисные 1990-е годы профиль ЛПК бывшей РСФСР стал еще более сырьевым, поскольку множество предприятий лесопиления, производства фанеры, древесных плит и особенно лесохимии прекратили существование. В результате тенденция неэффективного экспорта сырого

леса сохранилась и в новой России, правда в гораздо меньших масштабах: размер заготовки в 1990–2000-х колебался в пределах 80–160 млн м³. Государство сейчас почти не строит дорог. Оно лишь по инерции ведет лесное хозяйство (после 2007 года – через вновь созданные государственные унитарные предприятия), выделяя 10–30 млрд руб. в год², и отдает свои леса в пользование лесозаготовительным компаниям по расценкам, которые в несколько раз ниже стоимости лесопользования в Европе. В результате каждый год государство теряет на лесном секторе денег больше, чем приобретает. И ради чего? Ради того, чтобы наши лесные компании, страдающие от низкой производительности труда, не обанкротились и продолжили гнать за рубеж дешевую необработанную древесину, заготавливая ее, как правило, устаревшими методами с разрушением почвенного покрова и подрывом биоразнообразия экосистем. Получается, что государство скрыто (через низкую стоимость аренды леса) субсидирует зарубежных потребителей отечественной древесины.

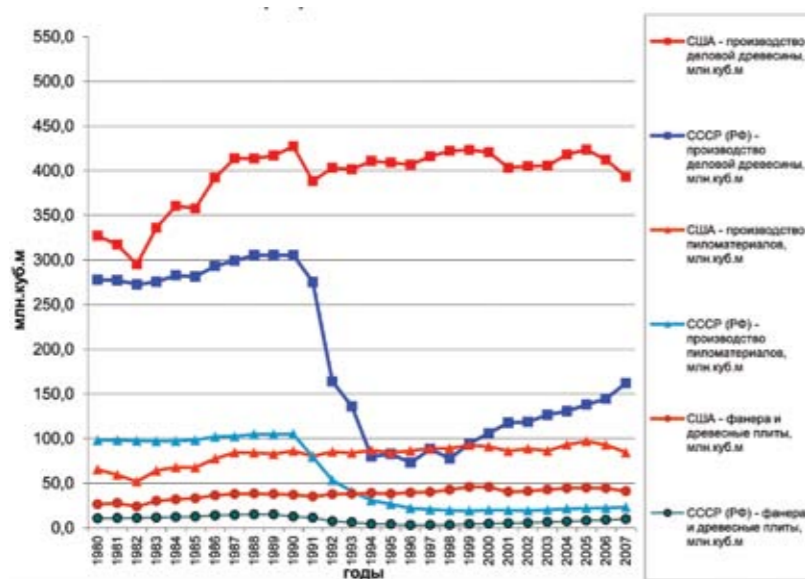
Лесозаготовительные компании, кроме самых крупных и тех, у которых имеются в составе акционеров зарубежные концерны, тоже не строят лесных дорог. Те компании, которые находились вдали от сухопутных границ со странами-импортерами – странами Европы и Китая, вдали от морских портов и от самых надежных внутренних потребителей – целлюлозно-бумажных комбинатов, умерли уже в 1990-е годы. Остальные, используя ветшающую год от года советскую инфраструктуру, вывозят ценную хвойную древесину из истощенных лесных массивов, до которых дотягиваются старые дороги. А там, куда они не дотягиваются, на глубокой периферии, десятки миллионов гектаров спелых и переспелых древостоев, будучи подвержены пожарам по естественным причинам, вероятно, не доживут до времени, когда наши лесозаготовительные компании созреют до масштабного строительства инфраструктуры и смогут добраться до них.

На месте вырубленных в спешке высокоценных хвойников вырастают

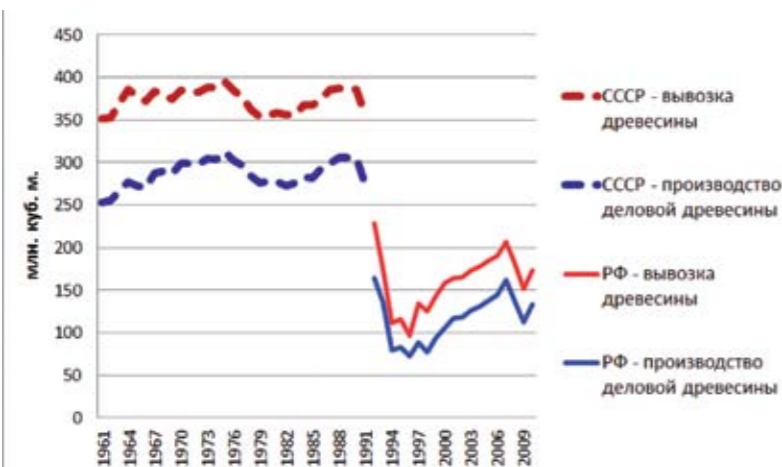
² Например, бюджет Рослесхоза на 2012 год – 27,5 млрд руб. (см. Приказ Рослесхоза № 560 от 23.12.2011; примечательно, что это первая открытая публикация детализации запланированных расходов агентства).

Финансовые показатели крупных предприятий ЛПК Северо-Запада России

Основные показатели лесных комплексов США и СССР (РФ) в 1980–2007 гг. по данным ФАО

Объемы заготовки древесины в СССР / РФ

малоценные породы – береза, осина и ольха, которые могут использовать немногие отечественные предприятия. Казалось бы, рукой подать до Финляндии – крупнейшего потребителя мелколиственной древесины. Но риторика на высшем уровне власти о планах повышения таможенных пошлин на вывоз круглого леса до запретительного уровня (85% стоимости товара) привела к тому, что финские концерны быстро переориентировались на недорогую тропическую древесину, в том числе выращенную на плантациях. И вновь мы стали свидетелями реализации сценария «хотели как лучше – получилось как всегда». Пошлины, поднятые до 25%, так и остались на этом уровне. В результате продолжился (правда, под влиянием кризиса в меньших масштабах, чем раньше) экспорт дефицитного уже в европейской части России хвойного пиловочника, а экспорт малоценной быстрорастущей березы, которую не жалко продавать и в необработанном виде, почти прекратился. Беспомощные попытки правительства смягчить результаты громких заявлений о повышении пошлин на березовые балансы (сырье, из которого производят щепу для варки целлюлозы), не дали ощутимых результатов. Финны, которые были в начале XXI века крупнейшим импортером российской лесной продукции, перестали нам доверять, и в 2010 году (последние доступные данные Росстата) приобрели необработанной древесины почти на порядок меньше, чем в 2001 году (2,8 вместо 22 млн м³). Переориентация экспорта сырой древесины с Европы на Китай – главный результат попыток государства бороться с сырьевой ориентацией нашего ЛПК методом кнута, но не пряника.

Истощение экономически доступных лесных ресурсов в европейской части России привело к тому, что к 2010 году на азиатскую часть страны пришлось уже половина объема лесозаготовок. Они концентрируются преимущественно в Иркутской области с ее гигантским Братско-Усть-Илимским территориально-производственным комплексом, сформированным в 1960–1970-е годы и включающим в себя мощные целлюлозно-картонный (в г. Братске) и целлюлозный (в г. Усть-Илимске) комбинаты. Но

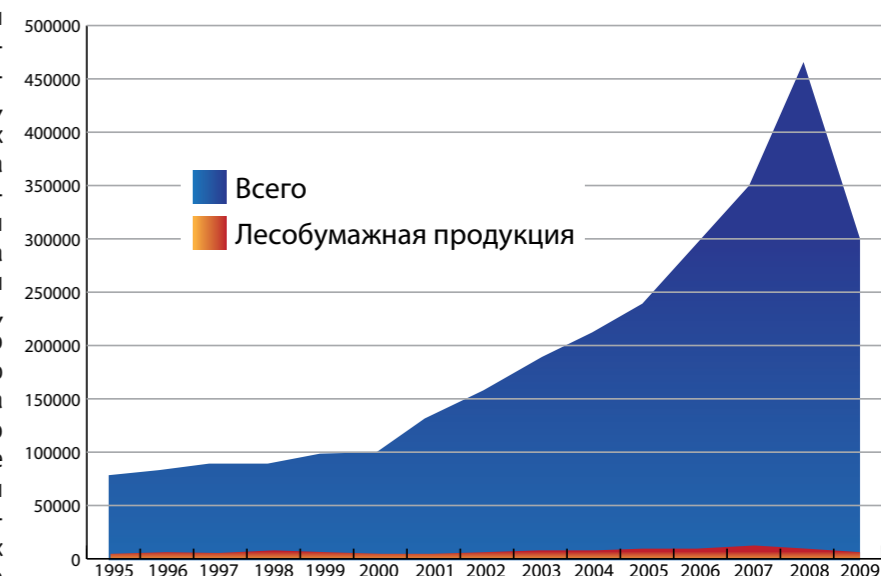
обеспечение глубокой переработки сырьем перестает быть главным стимулом лесозаготовок. На юге Красноярского края, в Иркутской области, в Хабаровском и Приморском краях развиваются рубки, нацеленные на экспорт сырья в Китай, а также отчасти в Японию и Южную Корею. Если тенденция роста китайского спроса сохранится и не будут приняты меры для борьбы с незаконными рубками, а также не начнется строительство новой лесной инфраструктуры, то истощение хвойной древесины на юге Восточной Сибири и Дальнего Востока, сукцессионное замещение хвойных древостоев лиственными и, как следствие, подрыв сырьевой базы двух градообразующих предприятий-гигантов – Братского ЦБК и Усть-Илимского ЛПК – лишь дело времени.

С исчерпанием запасов деловой хвойной древесины на европейском севере и на юге Восточной Сибири и Дальнего Востока прекратят существование, по крайней мере на один сукцессионный цикл, эффективные запасы российской древесины, то есть такие запасы, которые одновременно:

- непрерывны и потому годны для недорогой крупноплощадной заготовки;
- востребованны по породному составу отечественной промышленностью и мировыми рынками;
- качественны с точки зрения размера деревьев, количества дефектов;
- транспортно доступны.

Россия – мировой лидер по площади лесных земель и один из лидеров по запасам древесины в кубометрах, но у огромной части ее древостоев низкий бонитет – они состоят из маломерных и минусовых деревьев. Кроме того, эти древостои произрастают в труднотопных центральных частях Ханты-Мансийского АО, Красноярского края, Якутии – зачастую на болотах или в горной местности. Российские позиции по экономически доступной древесине весьма скромны, а по высококачественной – еще скромнее, что вызвано систематическими хищническими перерубами советского времени.

Остается радоваться, что не до всех ценных лесных массивов успела дотянуться советская инфраструктура. Поэтому, когда экспорт необработанного российского леса изживет себя,

Объемы заготовки древесины в СССР / РФ

уничтожив собственную сырьевую базу, еще останутся коммерческие запасы леса, защищенные транспортной недоступностью. Так что у нас будет шанс перейти к их освоению более цивилизованными методами и с гораздо большей пользой как для национальной экономики, так и для местного населения.

ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ РОССИИ

Помимо лесных регионов с благоприятным для экспорта транспортно-географическим положением, современная экономическая активность в ЛПК привязана к регионам размещения крупных целлюлозно-бумажных комбинатов (ЦБК).

Здесь дело обстоит не так плохо, как с экспортными лесозаготовками. Целлюлозно-бумажная промышленность (ЦБП) меньше всего пострадала в результате постсоветской деиндустриализации, поскольку состояла преимущественно из гигантских предприятий, у которых были невысокие издержки за счет экономии на масштабе и низких энергетических и транспортных тарифах по сравнению с тарифами в развитых странах. Они еще в советское время нашли стабильные рынки сбыта продукции за рубежом либо смогли быстро найти их в новых условиях.

Безусловно, первые годы новой России больно ударили и по ЦБК. В результате реформы лесного

законодательства 1993 года было снято закрепление лесосырьевых баз долгосрочного пользования за леспромпхозами. Возникшие в новых условиях компании, занимавшиеся спекулятивными и не всегда легальными операциями в сфере торговли лесом, официально предлагали лесхозам большую цену за право рубки леса, чем назначали леспромпхозы, либо, подкупая чиновников, захватывали контроль над лесосырьевыми базами и обречали леспромпхозы на разорение. Пользуясь слабостью леспромпхозов, предприимчивые дельцы за бесценок покупали их активы, например, лесозаготовительную технику. Затем новые хозяева либо переуступали права на активы другим компаниям в рамках спекулятивных сделок, либо перенаправляли потоки заготовленной древесины на экспорт в сыром виде.

Если перекупленный леспромпхоз был поставщиком сырья для ЦБК, новые владельцы могли разворачивать ценовую войну против комбината, пользуясь уязвимостью, связанной со спецификой технологического процесса: сырье должно поступать непрерывно, иначе неизбежны длительные и дорогостоящие остановки варки целлюлозы. От перебоев с сырьем такого рода страдал в 1990-е годы, например, Сеgezский ЦБК, ориентированный на сосновую древесину, поставившаяся из центральной, северной и западной Карелии.

Именно сырьевые риски подтолкнули многие ЦБК к установлению контроля над поставщиками сырья. Так началась вертикальная интеграция в отрасли. Первые случаи приобретения или захвата лесозаготовительных компаний в непосредственной близости от ЦБК начались еще в 1990-е. Поворотной точкой был кризис 1998 года, когда девальвация рубля стимулировала развитие импортозамещения. Для многих отраслей промышленности, в том числе для ЛПК и ЦБП, этот год можно считать концом этапа постсоветской деиндустриализации и началом восстановительной индустриализации, сопровождающейся вертикальной интеграцией. Но больших масштабов процесс достиг в начале XXI века. Как правило, в структуру собственности крупных ЦБК включались лесозаготовители в радиусе до 100–250 км (предельное плечо экономически целесообразной транспортировки сырой древесины автомобильным транспортом). Случаи покупки компаний, поставляющих сырье железнодорожным транспортом (эффективное плечо примерно до 1000 км) стали отправной точкой формирования не просто крупных, а крупных межрегиональных лесных компаний, которые сейчас доминируют в отрасли. Однако даже сегодня, когда в целом процесс консолидации активов в отрасли вошел в зрелую стадию, продолжают существовать единичные крупные ЦБК, не стремящиеся к контролю над поставщиками сырья. Они снижают риски нехватки сырья за счет диверсификации внешних поставщиков. Ярким примером является Кондопожский ЦБК.

Покупая небольшие лесные компании ради арендованных ими лесов и лесозаготовительной техники, ЦБК нередко вынуждены были приобретать «в нагрузку» предприятия лесопиления, производства фанеры и плит. Порой эти предприятия ликвидировались, а менеджмент ЦБК искал пути встраивания их в технологические цепочки создаваемой вертикально интегрированной компании, иногда в ходе структурирования сделок поглощения удавалось исключить такие активы из сделок. Попытки включить непрофильные предприятия в технологическую связь с центральным комбинатом, а также

поиски независимыми лесопильными, плитными и фанерными компаниями в диалоге с региональной властью путей обеспечения безопасности и экономической стабильности стимулировали формирование разнообразных производственных сочетаний в ЛПК. В результате сегодня, по крайней мере в европейской части России, возникли сочетания четырех типов:

- производство целлюлозы, бумаги, картона и упаковки с выпуском побочной лесохимической продукции из собственного сырья;
- разные деревоперерабатывающие производства (плитное, фанерное) с другими деревообрабатывающими предприятиями либо с производством топливных гранул из собственного сырья;
- лесозаготовительное с переработкой части собственного пиловочника, иногда с производством топливных гранул из отходов лесозаготовки и деревообработки;
- деревообрабатывающее с производством изделий из собственных пиломатериалов, в том числе мебели.

Консолидовав отрасль, целлюлозно-бумажные холдинги редко способствовали ее модернизации. В постсоветской России не было реализовано ни одного проекта строительства ЦБК с нуля. Не стали вертикально интегрированными компании и инициаторами создания современных институтов лесного сектора экономики. Ни одна из них не проводит последовательной политики внедрения устойчивого управления лесами. Например, политики создания исследовательских площадок, спонсирования модельных лесов, защиты биоразнообразия и лесов высокой природоохранной ценности, хотя многие крупные компании под давлением экологически чувствительных рынков Европы вынуждены проходить добровольную лесную сертификацию PEFC и FSC, что вынуждает их хотя бы минимально учитывать социальные и экологические интересы.

Таким образом, роль этих компаний-интеграторов свелась в отрасли к сбору, систематизации и переучету конкурентоспособных активов ЛПК советского времени, что в конечном

счете облегчило приобретение этих активов зарубежными компаниями. Нужно отметить, что предприятия ЛПК, не производящие целлюлозу и не обеспечивающие сырьем ее производство, не были в массе своей ни консолидированы, ни приобретены зарубежными компаниями, хотя есть единичные примеры строительства таких предприятий с нуля. Наиболее известный – возведение гигантского (мощностью почти 1 млн м³ продукции в год) плитного предприятия «Кроностар» на востоке Костромской области. В региональном ЛПК оно заняло пустующую нишу переработчика мелколиственной древесины. Среди богатых лесными ресурсами промышленного значения регионов Костромская область расположена ближе всего к инфраструктурно освоенным и населенным территориям с емкими рынками. При этом для долгосрочного обеспечения потребностей крупного ЦБК (а только крупные ЦБК оказались жизнеспособны в России; небольшие впадают жалкое существование или закрылись) области не хватает хвойных лесов, бесплодно вырубленных в советские годы. Компромиссом между желанием региональной власти усилить экономику региона за счет создания крупного деревообрабатывающего предприятия и отсутствием достаточных ресурсов хвойной древесины для обеспечения сырьем ЦБК, стало привлечение инвестора, создавшего крупное производство плитного производства дает возможность на входе менять соотношение хвойного и лиственного сырья и на выходе получать продукцию, качество которой соответствует заданным параметрам технологического процесса.

Но даже те зарубежные компании, которые получили полный контроль над некоторыми российскими ЦБК, не инвестировали существенные средства в их модернизацию. Да и сегодня, не считая модернизационных проектов крупнейшей российской лесной компании «Илим Палп Энтерпрайз» в г. Коряжме (Архангельская область) и компании «Монди Сыктывкарский лесопромышленный комплекс» в г. Сыктывкаре (Республика Коми), инвестиции направляются не столько

на внедрение новых технологий, сколько на увеличение объемов производства. Инвестиционные проекты в отрасли значительно уступают по стоимости типовому проекту строительства нового крупного ЦБК. Например, реконструкция Усть-Илимского комбината стоимостью 700 млн руб. обеспечила увеличение мощности с 500 до 630 тыс. т целлюлозы в год, в то время как стоимость строительства нового комбината составляет 30–60 млрд руб. Нужно отметить, что некоторые отечественные компании, не производящие целлюлозу, бумагу и картон и не находящиеся в собственности зарубежных собственников, весьма преуспевают в модернизации производства и улучшении условий жизни местных сообществ. Успех не производящих целлюлозу компаний возможен при соблюдении трех условий: молодое, открытое инновациям руководство предприятия; эффективная лесная политика региональных властей и выгодное географическое положение головного предприятия, например в городе с морским портом. Один из ярких примеров последнего времени – «Лесозавод 25» в г. Архангельске.

В целом же предприятия ЛПК, даже относящиеся к целлюлозно-бумажной промышленности и приобретенные зарубежными компаниями, за редким исключением остаются малопривлекательными для новых инвестиций. Для этого есть по крайней мере три причины. Во-первых, зарубежные инвесторы отлично понимают, что сырьевая база бывших советских гигантов скоро будет исчерпана, а завоз сырья морем из других регионов России и зарубежья в большинстве случаев невозможен. Во-вторых, наши предприятия занимают определенную нишу на мировом рынке лесной продукции, поставляя недорогую продукцию не очень высокого качества. Вкладывать деньги, для того чтобы превратить эти предприятия в производителей дорогой и высококачественной продукции, было бы для европейских владельцев маркетинговой ошибкой. В-третьих, западных инвесторов отпугивает печальный опыт взаимодействия в разные годы и на разном уровне зарубежного бизнеса

с российскими властями, которые далеко не всегда выполняют свои обещания.

Положительной тенденцией в развитии ЦБП стала диверсификация производства крупных лесопромышленных холдингов. Они стали создавать новые бумажные и картонные цеха ЦБК, увеличивать количество сортов выпускаемой бумаги, строить импортозамещающие предприятия по производству картонной тары вблизи потребителя. Два самых известных примера – предприятия по производству гофроупаковки в г. Коммунаре Ленинградской области (группа «Илим Палп») и в г. Подольске Московской области (Архангельский ЦБК). Однако экономический кризис показал, что производство гофроупаковки становится убыточными в отсутствие динамичного роста экономики. Они также могут в будущем столкнуться с конкуренцией предприятий Восточной Европы.

В целом целлюлозно-бумажная промышленность России – самая мощная, прибыльная и цивилизованная отрасль отечественного ЛПК. Однако ее модернизационный потенциал невелик – во многом из-за невыгодного расположения предприятий в глубине континента и истощенной ресурсной базы. Впрочем, у отрасли все еще есть шансы встать на путь инновационного развития, если государство предпримет последовательные шаги по созданию целлюлозных производств, перерабатывающих осину и (в меньшей степени) березу, комбинированных целлюлозно-плитных производств для максимального вовлечения в производство низкокачественного сырья, а также системы рециклирования бумаги и картона, системы, которая откроет дорогу к созданию бумажных заводов в крупнейших агломерациях – в непосредственной близости от потребителя.

ЗАВИСИМОСТЬ ОТ КРУПНЫХ КОМПАНИЙ

Лесной кодекс 2007 года, по сути закрепивший факт ухода федеральной власти от управления лесным хозяйством и продажи прав лесопользования частным компаниям, заметно усилил позиции лесных компаний.

Мотивы федеральной власти в проведении лесной реформы можно понять. Во многом реформы продиктованы стремлением максимально дистанцироваться от невыгодной деятельности и нежизнеспособной отрасли в условиях, когда ее просто невозможно ликвидировать из-за социальной значимости. Но произошедшая регионализация лесопромышленности создала условия, в которых межрегиональные лесные холдинги могут диктовать условия региональным и муниципальным властям.

Для таких компаний потери от ухудшения отношений с властями одного региона не так принципиальны, поскольку у них есть крупные активы и в других регионах. Так, группа «Илим Палп», состоящая из дивизионов «Запад» (Котласский ЦБК, г. Коряжма) и «Восток» (Иркутская область), имеет «козырь в рукаве» при согласовании условий аренды лесных участков в Архангельской области с региональными органами исполнительной власти. Регион зависит от компании больше, чем компания от региона. Если компания будет лишена права аренды миллионов гектаров за нарушение правил заготовки древесины или невыполнение лесохозяйственных мероприятий, это ударит в первую очередь по населению региона, поскольку, вероятнее всего, будут сокращены рабочие места в монопрофильных лесных поселках. Холдинг «Инвестлеспром», владеющий Сегежским ЦБК в Карелии, Сокольским ЦБК в Вологодской области и ЦБК «Кама» в Пермском крае, а также некоторыми другими предприятиями, может позволить себе проведение жесткой социальной политики. В частности, быструю комплексную механизацию, сопровождающуюся высвобождением рабочей силы, или покупку лесозаготовительных компаний в периферийных слабых районах, таких как Муезерский, с последующим сокращением числа занятых ради повышения финансовой эффективности.

Подобная политика не проводится небольшими межрегиональными компаниями и компаниями, предприятия и сырьевые базы которых сконцентрированы в одном-единственном регионе. Так, компания «СВЕЗА»,

владеющая предприятиями по производству фанеры в Ленинградской, Костромской, Вологодской областях и Пермском крае, избегает массовых увольнений или закрытия целых лесопунктов в удаленных районах. ОАО «Кондопога» продолжает держать на балансе часть инфраструктуры г. Кондопога (Карелия), финансирует строительство культурных и социальных объектов.

Таким образом, вертикальная интеграция в ЛПК вместе с децентрализацией регулирования отрасли четко предопределила, какие муниципалитеты могут сильнее всего пострадать из-за несбалансированной социальной и экологической политики бизнеса: это муниципалитеты базирования активов крупных межрегиональных лесных компаний, ядром которых являются крупные ЦБК. Поэтому именно эти муниципалитеты должны стать объектом внимания профсоюзных организаций лесной промышленности, неправительственных экологических организаций, таких как WWF, Greenpeace.

Именно на территории этих муниципалитетов должны создаваться новые модельные леса, и именно там аудиторы системы добровольной лесной сертификации должны сосредоточиться на проверках качества лесопроизводства.

ПРИЗНАКИ ДЕГРАДАЦИИ

Риски развития ЛПК России нарастают и ставят под угрозу само существование отрасли в долгосрочной перспективе. Она все больше напоминает ресурсные отрасли постколониальных экономик: структура производства и экспорта примитивизируется, теряются предпосылки для импортозамещения, растет зависимость от импортеров. В функционировании ЛПК проявился ряд тенденций, которые позволяют говорить о его деградации:

- стратегии лесных компаний все больше определяются возможностями сбыта продукции в зарубежных странах, причем экспорт растет за счет роста продаж сырья и полуфабрикатов;
- стоимость импорта высокотехнологичной лесобумажной продукции сопоставима со стоимостью лесного экспорта (60% в 2010

году) и растет опережающими темпами;

- импорт высокотехнологичного лесопромышленного оборудования незначителен, тогда как импорт стандартного оборудования преобладает над закупками отечественных аналогов;
- из-за непродуманной таможенной политики ограничения экспорта необработанной древесины реализовалась угроза потери традиционных рынков сбыта лесной продукции (страны ЕС) в конкуренции с дешевой древесиной лесных плантаций южных стран;
- быстрый и постоянный рост в 1999–2009 годах зависимости от Китая как импортера привел к повышению доли этой страны в официальных поставках необработанной древесины до 2/3 и целлюлозы до 3/4 среди 26 стран, учитываемых Росстатом, что делает КНР монополистом на внешнем рынке этих российских товаров.

Очевидно, что ЛПК России – такой, каким мы привыкли его воспринимать: индустриальный, узкоспециализированный и эксплуатирующий население и природу, – прекратит свое существование, это только дело времени. Началом острой фазы процесса станет закрытие целлюлозно-бумажных комбинатов из-за истощения их сырьевых баз. Свертывание индустриального ЛПК не будет тотальным, поскольку сохранится ниша импортозамещения по базовой продукции: пиломатериалам, газетной бумаге, древесностружечным плитам.

На место индустриального ЛПК постепенно придет интегрированное использование лесных ресурсов на базе экосистемных подходов и теории саморегулируемых сообществ. При этом начало этому процессу положит не государство с его декларативными заявлениями о необходимости использовать недревесные продукты леса, а жители лесных регионов. Как показывает практика, во многих периферийных поселениях за три летних месяца они могут зарабатывать продажей собранных пищевых продуктов леса и предоставлением услуг гидов, например, как сопровождение горожан на охоте, 100–200 тыс. руб.,

то есть больше, чем за год официального трудоустройства.

В этих условиях целью государства должно быть смягчение шока от перехода лесных городов и поселков от старой экономики заготовки древесины к новой экономике использования недревесных продуктов леса. Поэтому задачами государства должны стать восстановление доверия европейского бизнеса с целью избежать монополистической зависимости от Китая; выделение средств на смягчение социальной напряженности и профессиональную переориентацию населения там, где закрываются лесные производства, и, наконец, изучение процессов самоорганизации в использовании недревесных продуктов леса. Последнее необходимо не для контроля над процессом и обложения местного населения очередными налогами, а с тем чтобы создать продуманное законодательство, защищающее интересы местных сообществ, стимулирующее местную предпринимательскую инициативу, разработать рекомендации и обучающие программы, расширяющие кругозор местных жителей в отношении лесных экосистем и возможностей их использования.

При этом важно понимать, что не все отрасли в одинаковой степени нужны государству. Если какие-то отрасли умирают, это не страшно. Это нормальный процесс адаптации национальных экономик к условиям международного рынка в условиях глобализации. Главное – не проводить резких и болезненных реформ, чтобы процесс умирания не сопровождался взрывами социальной напряженности. Продавая нефть, газ, цветные металлы, продукцию ВПК и агропрома, а в будущем, надеюсь, и продукцию гражданского машиностроения и инновационную продукцию в совокупности на сотни миллиардов долларов в год, мы сможем себе позволить закупать за рубежом полиграфическую бумагу и гигиенические принадлежности на несколько миллиардов без негативных последствий как для экономики, так и для экологии.

Илья КУЗЬМИНОВ, канд. географ. наук, науч. сотр. Института региональных исследований и городского планирования НИУ ВШЭ

Мощные машины для серьезных задач!

MADE IN GERMANY

ЗАО Торгтехпроект, г. Астрахань

RAPTOR 800

Мульчеры AHWI PRINOTH разработаны для самых тяжелых видов работ:

- подготовка и содержание просеков под трассы газонефтепроводов и ЛЭП
- расчистка и подготовка строительных площадок с полной утилизацией порубочных остатков и корневых систем
- организация и содержание противопожарных полос
- сокращение каменистых грунтов
- стабилизация грунта при строительстве площадок и дорог

RT200

RT400

Исключительно надежны и производительны: по-настоящему немецкое качество машиностроения!

AHWI Prinoth

Дилеры AHWI Prinoth:

AHWI Maschinenbau GmbH
Германия, Им Бранден 15, 88634 Хердванган, +49 (7557) 92-12-813
www.ahwi.com, info@ahwi.com

Группа компаний «Горимпекс»
г. Москва, ул. 8-го Марта, д. 10, стр. 4, +7 (495) 645-85-10
www.gorimpex.ru, info@gorimpex.ru

ООО «СибТехИмпекс»
г. Красноярск, ул. Красной Гвардии, д. 24, оф. 210, +7 (391) 221-61-31
www.sibtehimpex.ru, sti.krasnoyarsk@gmail.com